

Оригинал здесь: http://dugward.ru/library/ostrovskiy/ayhenv_ostrovskiy.html.

Мир Островского - не наш мир, и до известной степени мы, люди другой культуры, посещаем его как чужестранцы: в своих главных очертаниях он лежит перед нами лишь как объект постороннего наблюдения, как сценическое зрелище. Далекий от его существа обычный строй наших помыслов, воззрений и нравов. Чуждая и непонятная жизнь, которая там происходит, в своем внешнем укладе и в своих интимных отношениях, в своей физиологии и психологии, может быть любопытна для нас, как все невиданное и неслыханное, но сама по себе не интересна та человеческая разновидность, какую облюбовал себе Островский. Он дал некоторое отражение известной среды, определенных кварталов русского города, но не поднялся над уровнем специфического быта, и человека заслонил для него купец. Это царство хозяев и приказчиков, свах и ворожей, эта область нелепицы и самодурства, пьяного разгула и мелочной расчетливости, эти странные фигуры, исковерканные слова и уродливые мысли - все это цепко держало автора в своей притупляющей власти. Быт наложил свою печать на бытописателя. Когда Ларисе предлагают богатое покровительство, она пошло восклицает: "у меня перед глазами заблестело золото, засверкали бриллианты" - вот именно это золото, эти "кандалы" своею тяжестью всегда мешали Островскому взойти на высоту общего и вечно человеческого. Все эти богатые и бедные невесты, бесприданницы и бешеные деньги гипнотизировали его самого; во всей этой удручающей меркантильности виноват не только быт, но и его изобразитель. Пьяными актерами, разноцветными фонариками, музыкой и цыганами увлекаются не только купеческие удалы, но и сам драматург, точно и он думает, что это - предел кутежа и широкой натуры. Он как-то принял своих чиновников, своих Бальзаминовых, свое купечество и мещан - всерьез. Раб своих героев, член своей среды, Островский неосторожно подпал даже ее морали, и в последних словах Глумова из комедии "На всякого мудреца довольно простоты" слышится реабилитация карьеризма, слишком скорое примирение с плутовством. Негодование - вот чего совершенно нет у Островского. Дух практицизма и элементарной этики веет от его произведений. Есть нравственная тупость и нет честности. А в лице Жадова, в этом бездарно-безжизненном лице, он честность опошил.

Быт освободил его и от психологии. Внутреннюю жизнь, ее волнения и катастрофы автор понимает лишь как порождение какой-нибудь резкой внешней силы: например, для той же Ларисы весь узел драмы заключается в отсутствии приданого, как будто ее нравственный облик изменился бы, если бы у нее были деньги! Любовь и деньги Островский вообще ставит на одну доску. В неумолимое движение судьбы и психического развития он грубо вмешивает начало материальное; при этом он не знает разницы между событием и происшествием, между внутренней необходимостью и внешней случайностью. Душа у него не бывает сама себе причиной. Он понимает ее без всякой перспективы, так плоско, что этим возмущает читателя; она у него необыкновенно быстро меняется, точно декорация; многие его герои и героини вынимают из своего сердца одно чувство и с легким сердцем заменяют его другим. У него - выдуманные и невыстраданные, совершенно безболезненные переходы чувств; у него - такая оскорбительная поверхностность эмоций, что ему ничего не стоит, например, сердце своей Юлии из "Последней жертвы" в одну минуту перебросить от Дульчина к Флору Федулычу, - а ведь как страстно, казалось бы, любила она первого!.. Какой-то шутник среди своих шутников, Островский принизил человеческие страсти и страдания, - они под его пером измельчали, и опои., жизнь превратилась в анекдот. Драматург ни разу не коснулся истинных источников трагизма. Он даже не знает, не понимает, где начинается настоящая драма. И это так естественно, потому что свободные души людей он связал патриархальностью, бытом, - а где внешняя связанность, там нет драматизма. "Не своей волей живу", - говорят его персонажи. У него так мало внимания к индивидуальной душе с ее волей и волнениями, что даже его Катерина - поистине "луч света в темном царстве" и, наряду с Любимом Торцовым, Кулигиным, Надей ("Воспитанница"), один из немногих лучей света в его произведениях вообще, - даже она гибнет в коллизии не с мужем, а с его матерью, т. е. с живой властью денег, с живым воплощением того же быта, силы общей, растворяющей в себе единичные сердца. Только Островский мог в любовной трагедии меньше всего остановиться именно на любви, на страсти и сделать центральной и фатальной фигурой - свекровь. В пьесе "Сердце не камень" он тоже попытался изобразить любовь, но тоже удалась ему только бытовая рама, а не самая картина. Кроткой тенью проходит Вера Филипповна, бедная узница супружеского дома, - и в тени остается именно то, что должно бы придавать